

Пролог

24 апреля 1989 года

Ему было тогда всего двадцать четыре года. Двадцать четыре... Это значит, что ты вроде как взрослый, а вроде и нет: твои друзья уже успели сходить в армию, теперь вернулись и подкалывают тебя, молодого студента, — мол, жизни не видел. А родители, наоборот, постоянно бухтят и пилят: «Ты уже взрослый, когда на нормальную работу устроишься?»

Ему доводилось участвовать в протестах против диктатуры¹: и на демонстрации ходить, и бутылки с зажигательной смесью бросать. Но, увидев, как полиция уводит его университетских знакомых, он тут же забросил политическую активность и больше их оппозиционный студенческий кружок не посещал. Потому что ради жены и ребенка он был готов на все.

Детей они с подружкой заводить не планировали, но когда он узнал об ее беременности, то чуть не запрыгал от счастья. Родители тоже были рады предстоящему событию. И это несмотря на то, что их семья находилась в крайне

---

¹ Имеется в виду период в новейшей истории Южной Кореи, начавшийся с военного переворота Чон Духвана (1979).

стесненном положении: у отца, который, по идее, должен был быть опорой семьи, обнаружили рак печени, причем в запущенной стадии, так что он лежал не вставая. Мать, работавшая кухаркой в небольшой столовке-временке для рабочих на стройке шоссе, была вынуждена возвращаться домой поздно ночью, чтобы случайно не наткнуться на кредиторов. Да и ютились они все вместе в небольшой съемной комнатухе в подвале, где и ребенка-то особо положить некуда было. Но ради своей будущей семьи он был готов даже учебу бросить, хотя раньше держался за университет изо всех сил, отдавая на него последние деньги. У его жены Суён, со слезами на глазах признавшейся ему в своем «грехе», вырвался вздох облегчения: увидев, как он рад этой новости; она сама не сдержалась и разрыдалась — теперь уже от счастья. Он тогда твердо решил: его ребенок не будет жить такой жизнью, как он сам. Точнее, так ему тогда казалось, что он уже все решил...

* * *

Резкий крик ударил ему в уши. Парень моментально собрался, пришел в себя и огляделся по сторонам. Он сидел в приемной медицинского центра «Надежда». Крик доносился не из смотровой, а с противоположной стороны — из родзала в конце коридора. Все беременные женщины — и на начальных сроках, и на последних неделях — тут же с испуганным видом схватились за животы, придерживая их руками.

«Кто же знал, что так получится...» Парню тоже захотелось закричать. Сказать, чтобы все убиралось вон из этой больницы. И что это вообще никакая не больница. Он считал, что смысл всей его жизни — оберегать двух своих любимых женщин: дочку, которая, придя в этот мир, смеялась

бы так заливисто, как никто другой, и жену, с которой они растили бы ребенка и вместе с которой он был бы счастлив и в горе, и в радости. Но смысл его жизни был растоптан в одно мгновение — прямо в этой живодерне, именующей себя клиником. К горлу словно подкатил обжигающий огненный ком, но он, сглотив, задавил этот спазм. Если он сейчас не сдержится, то все пойдет насмарку. Вместо этого парень потрогал через плотную куртку нечто припрятанное у себя на груди. Нечто твердое, надежное. И только тогда жжение от внутреннего огня немного поутихло.

— А хочешь посмотреть, где папа работает?

— Ага!

Парень повернулся. Знакомый голос — его он не забудет никогда. Главврач клиники. Возрастом чуть за сорок, но выглядит сильно моложе. Моложе даже его самого, хотя ему всего двадцать четыре. Холеное лицо лоснится уверенностью. И белый халат на его осанистой фигуре хорошо смотрится. Если б не девочка, держащая его за руку и называвшая «папой», можно было бы подумать, что он пытается произвести впечатление на молодых женщин в коридоре. Причем небезуспешно. «До чего же рубашка на нем белая — прямо до рези в глазах», — почему-то подумалось парню.

— А я уже поручил что-нибудь вкусненькое к чаю приготовить. — На шаг позади начальника шел Ян Тхэ-хун — главный администратор клиники.

С ним тоже довелось встретиться. Вот только общался администратор с ним совсем не так, и выражение лица было у него тогда совсем другим: «Говорю же, давайте не будем горячиться и попусту молотить языком. Всегда нужно придерживаться правил. Или думаете, что криком свое потомство вернуть сможете?» Вот так он тогда и говорил — мол, проблем не создавайте. И толкнул еще, да так, что

парень упал — до сих пор эта холодная плитка на полу не забылась... Вот там, на плитке, он и решился. «Что ж, будем играть по правилам. Только не по вашим, крючкотворы, ничего тяжелее ручки не поднимавшие, а по моим».

Пока главврач не прошел мимо него клестнице на второй этаж, парень сидел ссутулившись, пряча лицо. Нельзя, чтобы его заметили. Хотя доктор смотрел только на свою дочку — и с такой нежностью, что просто трудно себе представить. Девочке по виду было где-то лет семь-восемь. Волосенки у нее на голове пока были не такие густые, но уже заплетены в две косички с красными бантами. Одета она была в красное полупальтишко, на ногах белые колготки и красные туфельки — ну прямо как из сказки Андерсена¹. Лицо у нее было белое, миленькое, и казалось, что даже запах от нее идет теплый, детский, уютный. «Вот бы нашей Наён в ее возрасте быть такой же красивой!» Наён... Они с женой столько размышляли, как назовут дочку... Вот только услышать собственное имя их девочке не довелось — она умерла еще в материнской утробе. Вместе с матерью.

Он даже не знал, как выглядел его ребенок. Теперь он смотрел на то, как радуется главврач, едва завидев свою дочь, и внутри его все переворачивалось. Парень поднялся и сунул руку за пазуху: холодный твердый предмет был на месте. Одним махом он нагнал главврача на лестнице. То ли на звук шагов, то ли просто чисто случайно, но Ян Тхэхун обернулся и заметил преследователя — от удивления его глаза расширились.

— Ох! — На короткий возглас администратора повернулся и главврач.

В мгновение ока парень достал из-под куртки нож. О, сколько раз он представлял себе этот момент — и вот

---

¹ Имеется в виду сказка Х. К. Андерсена «Красные башмачки».

наконец момент настал! Держа оружие в левой руке, правой он грубо оттолкнул Ян Тхэхуна, и тот растянулся на полу у лестницы — точно так же, как и он сам когда-то. Парень без колебаний переключился на главврача — схватил за грудки и замахнулся ножом. Тот рефлекторно прикрыл собой дочь, убрав ее за спину. Свет, льющийся через окно, вспышкой блеснул на лезвии. Ждавшие у кабинета пациентки и их провожатые все до одного испустили истошный крик.

«Ну вот и всё, конец», — подумалось ему. Однако Ян Тхэхун оказался проворнее и как-то ухитрился перехватить его запястье. Стоило парню перевести взгляд на администратора, как главврач что было силы оттолкнул нападавшего. Тот кубарем покатился вниз, сверху на него навалился Ян Тхэхун. Ножка у парня уже не было: видимо, отлетел куда-то в сторону. Распластавшись под Тхэхуном, он заорал дурным голосом — если все закончится вот так, по-бестолковому, то бушующий в груди огонь просто выжжет его изнутри.

Наконец подоспели охранники: один из них подбежал к парню и, схватив за шиворот, рывком поставил на ноги.

— Вы как? — Ян Тхэхун захолопотал над начальником.

Тот все еще стоял посредине лестничного пролета: задышающийся, весь бледный от испуга, но по-прежнему укрывавший дочь за спиной.

Охрана крепко держала парня, завернув ему руки за спину. Того всего корежило, он выл диким воем. В какой-то момент его глаза начали закатываться — всем было понятно, что человек явно помутился рассудком. Но все же ему удалось расслышать, как администратор говорит кому-то, что нужно вызвать полицию.

И тут у парня перед глазами забрезжил какой-то странный свет. Его расфокусированный, плавающий взгляд устремился куда-то в сторону: со второго этажа по лестнице спускалась медсестра. Все это время она

была наверху, шума из приемной не слышала и теперь не понимала, что здесь происходит. Женщина остановилась, в недоумении посмотрела по сторонам, заметалась туда-сюда, не зная куда идти. В руках у нее был стальной бикс со шприцами...

После смерти жены ему кусок в горло не лез. Заснуть он тоже не мог — только пил целыми днями. За это время очень ослаб, и после всего произошедшего сил у него уже не должно было оставаться. Но тут несостоявшийся убийца ощутил прилив какой-то странной энергии, пришедшей непонятно откуда и наполнившей все его тело. Издав воинственный клич, он исхитрился вывернуться, разбросать опешивших охранников и в один прыжок преодолеть лестницу. Главврач вжался в стену, стараясь уклониться от атаки, но главной целью парня, лишившегося своего оружия, был не он, а именно медсестра. Нападавший выхватил из ее рук бикс, наугад вытащил из него что-то и, даже не посмотрев, что схватил, замахнулся. По глазам ему ударил солнечный блик.

Буквально взлетев над землей, парень бросился к главврачу, размахивая зажатым в руке предметом. На лицо ему брызнуло чем-то горячим.

— Нет! — Крик главврача потряс коридор.

Парень огляделся: люди, толкая друг друга, с криками выбегали из клиники. Но он почему-то их вообще не слышал: в ушах скрежетал только какой-то странный металлический звук.

Главврач обхватил дочку — у той сзади на шее алела рана, кровь текла по белой коже и капала прямо на красные туфельки. А парень смотрел на измазанный кровью шприц у себя в руке. Ради своей жены и дочери он был готов пойти на что угодно. Но только не на это...

Глава 1

ПОХИЩЕНИЕ

1

21 августа 2019 года, среда

Когда тьма поглотила мир, Мёнчжун наконец решился. Несколько дней он все тянул, откладывая решение на потом, но со всех сторон, куда ни глянь, были лишь обрывы и пропасти, а вернуться назад, даже если захочешь, не получится — дороги уже нет. Так что хочешь не хочешь, а определяться было нужно.

Всё, его выбор тверд. Вот только когда он вставал, ноги сильно дрожали. Мёнчжун застегнул пряжку ремня на впалом дряблом животе: у него уже второй день маковой росинки во рту не было. Где же свитер? Вроде где-то здесь был... В углу комнаты валялось когда-то белое худи — теперь это была просто мятая тряпка непонятного цвета. Даже не стряхнув с одежды пыль и грязь, Мёнчжун так и занырнул в нее с головой. На пороге ненадолго призадумался, но... нет. Мотнув головой, он вышел из дома и сел в припаркованную во дворе машину.

Некоторое время ехал в темноте, пока не добрался до центральных районов, полностью залитых светом. Мёнчжуну показалось, что его дом на склоне горы и центр Йонина, через который он сейчас проезжал, словно находятся в разных часовых поясах. Белых ночей в этих

широтах не бывает, но та часть города, на которую он смотрел из окна своей машины, казалось, вообще не знала, что где-то в мире существует тьма. Проехав по свету, Мёнчжун свернул туда, где его ждало одно дело.

Он то и дело бросал взгляд на клочок бумаги с адресом. До этого перечитывал его, проверял и перепроверял так часто, что теперь этот адрес до последней буквы отпечатался у него в голове. Но все равно сейчас Мёнчжун смотрел на него так, словно видел впервые в жизни: надпись казалась чужой, незнакомой. Он сжал губы. Все сомнения типа «А может?.. Или не надо?» были отброшены в тот момент, когда он завел машину: стрела, спущенная с тетивы, тоже не знает, попадет она в цель или нет, но долететь до конца ей все равно придется.

«Может, все-таки нужно было заранее проверить, где стоят камеры видеонаблюдения?» Хеын же говорила ему, что в том районе камер не так много и что нужно съездить посмотреть, где у них мертвые зоны. А он все отнекивался — мол, если часто там мелькать, то тебя, наоборот, могут заметить, а потом узнать и выследить. Но это были лишь отговорки — просто на самом деле душа у него была не на месте. Любому ответственному мероприятию всегда предшествовала подготовка: и когда в школе экзамены сдавал, и когда в университет поступал, и когда к церемонии открытия Корейских игр всей командой показательное выступление готовили — перед особым Днем X всегда был День X-1. На тренировках всегда говорили, что ошибка при отработке уменьшает ошибки на выступлениях. Интересно, что же он не отработал, если уж у него вот так жизнь сложилась?

В итоге Мёнчжун никак к сегодняшнему делу готовиться не стал, но теперь, словно восполняя свою прежнюю нерешительность, старательно избегал больших улиц

и вел машину по самым глухим закоулкам. За рулем он постоянно рыскал взглядом по сторонам, отмечая, где находятся камеры слежения и куда они направлены.

Зазвонил мобильный — это была Хейн. «Может, не брать?» Но телефон не успокаивался. Мёнчжун включил громкую связь.

— Ты на месте?

— Пока нет. Скоро буду.

Его взгляд устремился вверх, к небу; мысли — куда-то дальше, где было еще темнее. Возможно, поэтому он слишком поздно заметил тень, мелькнувшую перед машиной, и не успел вовремя вывернуть руль. Боковым зрением увидел проشمывнувшего мимо кота. Только было с облегчением перевел дух, как тут — бум! — спереди что-то сильно стукнулось о бампер и с глухим звуком опрокинулось на землю.

— Что у тебя там? — спросила Хейн, но отвечать было некогда.

Он ударил по тормозам и попытался собраться с духом, который вот-вот был готов покинуть его. Мёнчжун всего трясло крупной дрожью. «Так, надо поставить машину на ручник...» Он потянул за рычаг, но все силы куда-то девались. «Нужно собраться... собраться...» Еле-еле справившись с ручным тормозом, Мёнчжун все еще трясуцимися руками натянул капюшон на голову и вылез из машины. На земле лежала маленькая девочка — от удара ее отбросило в сторону.

Хорошо еще, что он догадался прикрыть номера куском картона... Мёнчжун еще раз огляделся по сторонам. Обычный ночной закоулок: прохожих нет, зевак тоже. Он заспешил к неподвижному телу; из-под головы змейкой струилась кровь. Мёнчжун двумя пальцами коснулся шеи девочки, проверил пульс. «Сердце бьется — значит, жива».

Он перевернул пострадавшую на спину, увидел ее лицо — и только тут понял, кого сбил. От изумления у него задержался глаз. Уж если это не судьба, то что тогда? Мёнчжун поднял ребенка на руки и отнес в машину. Телефон был по-прежнему на громкой связи: Хейн вопила, пыталась докричаться до него. Видимо, она слышала и звук столкновения, и хлопанье открывающихся-закрывающихся дверей.

— Алло! Алло! Да что там у тебя?! Ты в аварию попал? Сбил кого-то? Что ты там делаешь?!

— Не волнуйся, все нормально. Сбил кого надо — как раз ту, кого мы и собирались похищать.

И Мёнчжун что было сил утопил педаль газа.

2

*22 августа 2019 года, четверг, ночь
(второй день похищения)*

Он слышал в какой-то передаче, что при травмах головы внутреннее кровотечение опаснее внешнего: кровь должна литься из раны, а если ее нет, то она, скорее всего, накапливается где-то внутри; от этого повышается внутричерепное давление и резко возрастает вероятность того, что от обычного сотрясения мозга человек может умереть. У девочки кровь текла, так что, по идее, умереть она не должна. Но вот лицо ее было белым, как бумага. Мёнчжун в панике схватился за голову, пальцы его тряслись. Время от времени он подносил руку к ее носу, проверяя дыхание. Вроде бы есть слабая струйка воздуха, касающаяся его ладони... Но вдруг он выдает желаемое за действительное и это ему только кажется? Мёнчжун прикладывал ухо к ее груди, напряженно вслушиваясь, бьется ли сердце. И только после этого разрешал себе вздохнуть.

«Бум!» — снова прокатилось у него в ушах эхо удара. Он заткнул уши, втянул голову в плечи и закрыл глаза, но это не помогало: в голове снова и снова прокручивался момент столкновения. Все еще дрожа, Мёнчжун открыл глаза и взгляделся в лицо похищенной.

Ее зовут Чхве Рохи, одиннадцать лет. Изящное тонкое личико, губы маленькие, но правильной формы — плотным бантиком. Большие глаза и белая кожа хорошо сочетаются с черными волосами. Стрижка очень короткая — настолько короче обычного боб-каре, что Рохи даже можно принять за симпатичного мальчика. «В школу, поди, ходит... А моей на школу даже издалека взглянуть не довелось». Когда Мёнчжун вспоминал о Хиэ, у него сразу щемило сердце. Если и этой девчонке, как и его дочери, в маленькое тельце воткнут с десятков разных трубок, обматывают проводами и подключат дыхательный аппарат, то он никогда в жизни себе этого не простит.

* * *

На полу задергался мобильный. Входящий номер можно было не смотреть — Мёнчжун и так знал, кто это: Хеын дала ему этот телефон, когда они планировали похищение. Она сказала, что для дела нужен «левый» номер, который нельзя будет отследить. Скорее всего, он был оформлен на подставное лицо, но Мёнчжун этого не уточнял. Как ей удалось раздобыть такой телефон, он тоже не спрашивал — сейчас ему вообще ничего лишнего знать не хотелось, он думал только о Хиэ. Всякий раз, когда ему хотелось бросить эту затею, он убеждал себя, что все это ради нее. Подняв с пола телефон, Мёнчжун вышел во двор. Пусть даже девчонка и без сознания, но при ней он все равно разговоры вести не будет. Небо